

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.1.3>

EDN: NDSXVR

*С.Н. ШКЕЛЬ*¹

¹ Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

ВЫБОРЫ В ТРУДНЫЕ ВРЕМЕНА: ФАКТОРЫ ПОРАЖЕНИЯ ИНКУМБЕНТОВ НА СУБНАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Аннотация. Результаты выборов депутатов Госдумы Российской Федерации 2021 г. в целом подтвердили электоральное доминирование партии «Единая Россия». Вместе с тем в отличие от предыдущей избирательной кампании 2016 г. они продемонстрировали поражение «партии власти» в четырех российских регионах. В статье изучаются причины данных электоральных неудач партии-инкумбента на субнациональном уровне с помощью парного сравнительного анализа политической ситуации в республиках Саха (Якутия) и Башкортостан (Башкирия). Делается вывод, что одной из возможных причин снижения электоральной поддержки «партии власти» на региональном уровне является институциональный фактор, а именно прямые выборы глав муниципалитетов. Наличие этого института в Якутии не позволило новому главе республики установить эффективный контроль над главными политическими игроками. Напротив, новый глава Башкортостана, не имея подобного ограничения, смог быстро консолидировать региональную элиту, ликвидировать оппозицию и повысить электоральную поддержку «партии власти» даже в условиях эпидемиологического и экономического кризисов.

Ключевые слова: выборы, политические институты, электоральные процессы, политические машины, российская политика, этнополитика.

Для цитирования: Шкель С.Н. Выборы в трудные времена: факторы поражения инкумбентов на субнациональном уровне // Власть и элиты. 2025. Т. 12. № 1. С. 93–118. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.1.3>. EDN: NDSXVR

ВВЕДЕНИЕ

Почему инкубенты в электоральных автократиях проигрывают выборы? Каково влияние разного рода кризисов на подобные исходы? В современной научной литературе нет однозначного ответа на эти вопросы. Большинство ученых признают, что реакция электората может быть разной в зависимости от типа кризиса и его продолжительности [4; 5; 24]. Внешнеполитическая эскалация не всегда является проблемой для инкубентов и, напротив, может привести к росту популярности власти [22]. Реакция избирателей на экологические или эпидемиологические кризисы во многом зависит от эффективного ответа на них со стороны властей. Поэтому кризисы могут быть причиной как падения, так и роста электоральной поддержки [16]. Экономический кризис оказывает различное влияние на политическую поддержку власти в демократических и авторитарных режимах. Если в первых, в полном соответствии с теорией экономического голосования [7], кризисы часто приводят к смене элит посредством выборов, то авторитарные режимы способны преодолевать этот вызов и сохранять устойчивость [10].

Однако даже в условиях авторитаризма можно наблюдать «электоральные сбои» в виде проигрыша инкубентов [33]. Подобные непредсказуемые электоральные исходы могут происходить как на национальном, так и на субнациональном уровнях. И если в первом случае режимные трансформации наглядно видны и привлекают большое внимание политологов и экспертов, во втором — непредсказуемые итоги выборов часто незаслуженно игнорируются. Между тем анализ поражений инкубентов именно на субнациональном уровне полезен с точки зрения методологической, поскольку позволяет сравнивать регионы с разными электоральными исходами в рамках единого политического контекста. Это дает возможность минимизировать количество исследуемых факторов, потому что сравнение регионов внутри единой политической единицы позволяет вывести за скобки исследования политико-режимные или структурные факторы (историческое наследие, экономический строй, институциональное влияние центрального правительства, внешнеполитические вызовы), которые, как правило, схожи для всех регионов и могут рассматриваться как константы.

Последние выборы депутатов Государственной Думы России, прошедшие в сентябре 2021 г., предоставляют возможность проверить несколько теорий о факторах, влияющих на ослабление авторитарного статус-кво на субнациональном уровне. В отличие от предыдущих выборов 2016 г. результаты избирательной кампании 2021 г. продемонстрировали поражение «Единой России» в четырех регионах: республиках Якутия (Саха) и Марий Эл, Ненецком автономном округе и Хабаровском крае. Еще в одной республике — Коми — «Единая Россия» хотя и одержала формальную победу, но получила один из наихудших результатов (29 % электоральной поддержки)¹. Как можно объяснить поражение «партии власти» в указанных регионах? Почему даже в условиях усиливающейся централизации и консолидации авторитаризма происходят такого рода непредсказуемые исходы на субнациональном уровне? Дополнительным и более частным является вопрос о роли этнического фактора в поражении инкубентов. Нетрудно заметить, что среди тех регионов, в которых «партия власти» проиграла, преобладают этнические республики. Можно ли сказать, что фактор институционализированной этничности в рамках республик повлиял на сокращение электоральной поддержки власти? В этом смысле кейс Якутии вызывает особый интерес, поскольку на последних президентских выборах 2018 г. эта республика продемонстрировала рост протестного голосования среди представителей титульного этноса в ответ на языковую реформу 2017 г. [28]. Является ли электоральный результат 2021 г. продолжением кризиса, вызванного языковой реформой? И если да, то почему в других этнических республиках не наблюдается схожий эффект? Данная статья посвящена этим и другим вопросам, касающимся источников стабильности и уязвимости современных недемократических режимов.

ПОРАЖЕНИЕ ИНКУБЕНТОВ НА СУБНАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ: ТЕОРИИ И ГИПОТЕЗЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Тема «опрокидывающих выборов» в автократиях довольно давно стала предметом анализа политологов [14]. Интерес к этой проблема-

¹ ЦИК РФ. URL: <http://www.cikrf.ru/> (дата обращения: 02.06.2025).

тике особенно повысился после волны электоральных революций на просторах постсоветского пространства [20; 6; 13]. Исследователи предложили ряд объяснений данному политическому феномену, однако большинство из них посвящены выборам национального уровня и не совсем применимы для анализа выборов на субнациональном уровне. Тем не менее некоторые из сделанных объяснений вполне релевантны для исследования факторов поражения «партии власти» в регионах.

В отличие от демократий, в электоральных автократиях властвующие элиты контролируют выборы и могут существенно корректировать волеизъявление граждан с помощью разного рода манипуляций. Поэтому в демократиях и автократиях кризисные явления оказывают разное влияние на электоральные исходы. Если в демократиях граждане могут использовать выборы как средство наказания элит за их неэффективность, и поэтому экономические кризисы, как правило, приводят к электоральной смене элит, в автократиях это происходит далеко не всегда [10]. Следовательно, случаи «опрокидывающих выборов» в недемократических режимах чаще связаны не столько с динамикой политических предпочтений граждан, сколько с поведением политических элит, контролирующих электоральный процесс.

Теория политических машин является одним из наиболее распространенных инструментов, с помощью которых ученые пытаются объяснить вариацию электоральных исходов в автократиях на субнациональном уровне. Под «политической машиной», как правило, подразумевают структуру патронажно-клиентского типа, способную распределять разного рода приватные блага в обмен на голоса избирателей [27]. Другими словами, в отличие от современных политических партий, предлагающих избирателям публичные блага в виде общей экономической эффективности или социальных гарантий, политические машины нацелены на удовлетворение текущих, партикуляристских интересов граждан, предлагая им частные блага в виде денежных компенсаций или рабочих мест [9]. Особым типом машинной политики может быть распределение так называемых «клубных благ» [15], получателями которых являются не конкретные индивиды, а коллективы — такие социальные группы как локальные сообщества,

мигранты или этнические общины. Например, в авторитарной Мексике власти в качестве подобных «клубных благ» использовали ресурсы, которые поставлялись в рамках государственной программы PRONASOL и распределялись между регионами и муниципалитетами, наказывая одних за низкие электоральные результаты или награждая других за лояльность [18]. В США в конце XIX – начале XX в. мигранты и этнические меньшинства тоже выступали целевой группой, которую мэры городов использовали для своей электоральной поддержки, предлагая им материальные выплаты и рабочие места [9; 27].

Распределение материальных ресурсов в обмен на голоса избирателей подразумевает негласный договор между патроном и клиентами на разных этапах социальной иерархии. Его соблюдение требует мониторинга и контроля, что трудно осуществить в отсутствие сравнительно близкой «социальной дистанции» между патроном, который контролирует и распределяет материальные ресурсы, и клиентами, которые осуществляют функцию «брокеров», перераспределяя материальные ресурсы с одного уровня социальной иерархии на другой [25]. Именно поэтому политические машины, как правило, ограничены региональным уровнем. Однако даже на уровне региона не всегда возможно создать подобную эффективную политическую структуру.

Подкуп («пряник») и угроза потери работы («кнут») являются двумя ключевыми элементами влияния на электоральное поведение избирателей в рамках машинной политики. Следовательно, политические машины могут быть эффективны при наличии, как минимум, трех факторов. Во-первых, должен быть доминирующий актор, способный монополизировать основные административные и материальные ресурсы (на субнациональном уровне таким актором, как правило, является глава региона). Во-вторых, необходима лояльность локальных элит главе региона, которая достигается посредством административного и/или экономического подчинения [29]. Данный фактор важен потому, что местные элиты выполняют функцию связующего звена между региональной властью и избирателями. Именно они выступают теми «брокерами», которые непосредственно контролируют электоральный процесс на местах, — конечный электоральный исход на уровне муниципалитета во многом зависит от их усилий [19]. В-третьих, эффективность политических машин зависит от доли уязви-

мых слоев населения, готовых обменять свой голос в обмен на вознаграждение партикуляристского характера. В постсоветском контексте такими уязвимыми слоями являются жители сёл и работники бюджетной сферы [12]. Сокращение бедности и рост среднего класса в ряде стран является одной из главных причин разрушения политических машин и замещения их на электоральной арене массовыми партиями программного типа [27; 18].

Таким образом, всю совокупность факторов, влияющих на эффективность политических машин, можно разделить на институциональные и социально-экономические. Первые — это совокупность формальных и неформальных «правил игры», определяющих степень координации между региональными и локальными элитами. Например, такой формальный институт как прямые выборы глав муниципалитетов снижает административный контроль главы региона за локальными элитами и делает политическую машину менее эффективной. Наличие неформальных отношений в виде патронажа или тесных персональных связей между главой региона и локальными элитами, напротив, может способствовать зависимости местного уровня власти от губернатора и укреплять основы машинной политики. Социально-экономические факторы имеют структурный характер и создают более долговременные возможности или ограничения для реализации машинной политики. Например, большая доля сельского населения в регионе является преимуществом и упрощает для губернаторов задачу достижения высоких электоральных результатов для «партии власти», в то время как высокий уровень урбанизации является препятствием для выполнения схожей задачи даже для популярного и эффективно управляемого.

Основываясь на изложенных теоретических допущениях, можно предположить, что в рамках отдельного региона одной из причин утраты электорального превосходства «партии власти» может быть подрыв экономического доминирования главы региона над локальными элитами. Это может быть связано с экономическим кризисом или с другими причинами, которые приводят к изменению баланса в распределении ресурсов между регионом и муниципалитетами в пользу последних. Другими словами, рост экономической автономии муниципалитетов может выступать одним из факторов поражения «партии

власти» [8]. Данное теоретическое ожидание можно сформулировать в виде следующей гипотезы:

Гипотеза I. Более высокий уровень экономической независимости муниципалитетов положительно связан с протестным голосованием.

Административный контроль главы региона за локальными элитами является не менее важным, чем экономический. Местные главы, которые назначаются главой региона непосредственно или могут быть отстранены им каким-либо другим способом, объективно более зависимы и будут более заинтересованы проявлять политическую лояльность, чем локальные элиты, которые занимают свои позиции посредством прямых выборов. Следовательно, вторую гипотезу можно сформулировать следующим образом:

Гипотеза II. Муниципалитеты, главы которых избраны на прямых выборах, будут демонстрировать более высокий уровень протестного голосования, чем муниципалитеты, главы которых избраны посредством непрямых выборов.

Персональные (патрон-клиентские) связи между главой региона и местными элитами тоже могут влиять на уровень лояльности локального главы и меру его участия в мобилизации электората [1]. Гипотезу, принимающую во внимание роль персональных связей можно сформулировать так:

Гипотеза III. Чем слабее персональные связи главы муниципалитета с главой региона, тем выше уровень протестного голосования.

Кроме лояльности локальных элит, важным фактором выступает уровень их управленческого опыта в сфере организации избирательных процессов. Контроль за выборами требует определенных навыков, а механизмы манипуляции — времени для их «настройки». Следовательно, можно предположить, что срок нахождения в должности имеет значение, и те главы муниципалитетов, которые долгое время занимают свой пост, способны лучше справляться с электоральными задачами, нежели «новички», которые, скорее всего, будут демонстрировать «провалы» в электоральных исходах для «партии власти». В виде гипотезы данный тезис можно сформулировать следующим образом:

Гипотеза IV. Чем меньше времени глава муниципалитета занимает свой пост, тем хуже электоральный исход для «партии власти».

Другим предположением является то, что экономический кризис, ведущий к расширению бедных слоев населения, в условиях авторитаризма, скорее, увеличивает социальную базу для воспроизводства машинной политики, чем подрывает ее. Поэтому рост доходов населения и расширение доли среднего класса положительно связано с ростом протестного голосования. Следовательно, следующая гипотеза:

Гипотеза V. Более высокие доходы населения положительно связаны с уровнем протестного голосования.

Доля сельского населения тоже может выступать предиктором уровня электоральной поддержки инкубентов, поскольку на селе более плотные социальные сети, что упрощает «брокерам» задачи по электоральной мобилизации граждан, а также по мониторингу и контролю за их электоральным поведением [3]. Шестую гипотезу можно сформулировать так:

Гипотеза VI. Чем выше доля сельского населения в муниципалитете, тем выше уровень электоральной поддержки «партии власти».

Среди исследователей политических машин распространено убеждение в значимости размера поселений — небольшие размеры муниципалитетов позволяют легче контролировать поведение избирателей [30; 23]. Для учета этого фактора сформулирую следующую гипотезу:

Гипотеза VII. Чем больше численность населения муниципалитета, тем выше уровень протестного голосования.

Наконец, отдельного рассмотрения требует этнический фактор в рамках машинной политики. Большинство исследователей склонны рассматривать этнические меньшинства и их компактную локализацию как преимущество для стабильного функционирования политических машин [21]. С помощью политизации и институционализации этничности политики могут распределять «клубные блага» материального или символического характера на принципах этнократии, гарантируя себе ядро электоральной поддержки за счет представителей этнической общины, получающих эти преференции [12]. Этот же фактор может работать в пользу «партии власти», если глава этнической республики открыто призывает поддержать ее, используя этнический фактор в торге с центром по принципу «лояльность взамен на невмешательство». Неслучайно многие этнические республики в составе России демонстрируют более высокий уровень политической лояльности, чем

большинство других регионов страны [11; 26; 31]. Вместе с тем далеко не все этнические республики можно отнести к разряду «сверхлояльных». Более того, после языковой реформы 2017–2018 гг., когда федеральный центр отменил обязательное изучение государственных языков республик, среди титульных этнических групп некоторых этнических республик, которые ранее отличались стабильно завышенной политической лояльностью, исследователи зафиксировали смену политических предпочтений и рост протестного голосования [28; 32]. Поскольку в фокусе данного исследования находятся именно такие две республики (Якутия и Башкортостан), я ожидаю обнаружить отрицательную взаимосвязь между долей титульных этнических групп и уровнем электоральной поддержки инкубента. Следовательно, заключительную гипотезу можно сформулировать так:

Гипотеза VIII. Более высокая доля представителей титульных этнических групп в муниципалитете положительно связана с уровнем протестного голосования.

ДАННЫЕ, МЕТОДЫ И ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПЕРЕМЕННЫХ

Для проверки сформулированных выше гипотез я использую данные локального уровня двух республик: Якутия (Саха) и Башкортостан (Башкирия). Выбор указанных случаев основан на применении методологического принципа наибольших различий [17], что подразумевает сравнение двух случаев, которые имеют различие в исходах при максимальной схожести других параметров. На первый взгляд может показаться, что избранные случаи не соответствуют этому критерию и довольно сильно отличаются друг от друга. Так, например, Якутия на протяжении всего постсоветского развития выделялась из ряда «сверхлояльных» этнических республик и всегда поддерживала «партию власти» в существенно меньшей мере в сравнении со средним общероссийским показателем. Башкортостан, напротив, входит в группу регионов, которые являются электоральной опорой для партии «Единая Россия», демонстрируя, как правило, электоральные результаты выше среднего по России (см. рис. 1). Это позволяет предположить, что среди причин поражения «партии власти» в Якутии есть долговременные факторы структурного порядка.

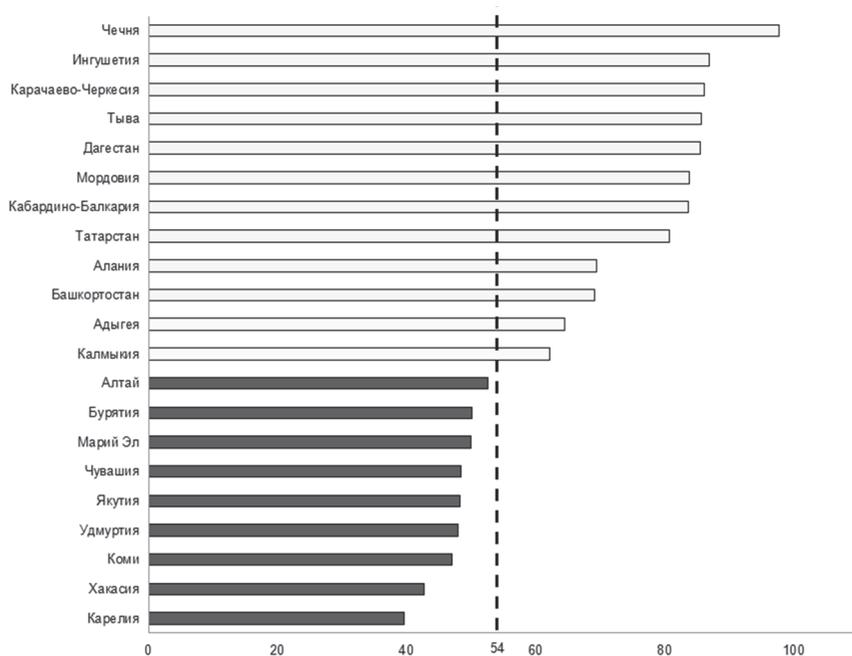

Рис. 1. (Fig. 1). Распределение этнических республик России согласно среднему уровню электоральной поддержки партии «Единая Россия» в период 2007–2021 гг.

Distribution of ethnic republics of Russia according to the average level of electoral support for the United Russia party in the period 2007–2021

Вместе с тем если посмотреть на Якутию и Башкортостан в рамках более короткого хронологического промежутка накануне парламентских выборов 2021 г., то в их основных политических параметрах можно обнаружить много общего, что дает свои преимущества для сравнительного анализа. В частности:

— обе республики на протяжении последнего времени демонстрировали снижение электоральной поддержки партии «Единая Россия». По результатам выборов Госдумы 2016 г. показатели в обеих республиках сократились и стали довольно близки друг к другу (см. рис. 2);

— обе республики продемонстрировали резкую смену электорального поведения представителей титульных этнических групп и рост протестного голосования среди них после языковой реформы 2017 г.

[28]. Учитывая, что схожий эффект не обнаружен в других этнических республиках, данные кейсы интересны для сравнения и позволяют измерить политические последствия языкового кризиса в более длительной перспективе;

— в обеих республиках после президентских выборов 2018 г. был сменен глава региона. В Якутии в мае 2018 г. вместо Егора Борисова главой республики был назначен мэр Якутска Айсен Николаев. В Башкортостане в октябре 2018 г. тоже состоялась ротация главы республики, когда на смену Рустэму Хамитову неожиданно был назначен Радий Хабиров, который до этого назначения тоже выполнял обязанности мэра, являясь главой города Красногорск в Московской области. Одновременная ротация глав позволяет проследить разницу стратегий двух губернаторов и их влияние на электоральный исход 2021 г.;

— в обеих республиках новые главы регионов пришли к власти в схожем политическом контексте: фрагментированная элита, объединенная оппозиция и высокое общественное влияние независимых национальных организаций, имеющих довольно мощный мобилизационный потенциал.

Дополнительным преимуществом выбранных кейсов для сравнительного анализа является разница институционального устройства муниципальной власти. Якутия является одним из немногих российских регионов, в которых главы муниципалитетов до сих пор занимают свои позиции посредством прямых выборов, в то время как в Башкортостане института прямых выборов на муниципальном уровне никогда не существовало и сейчас главы муниципалитетов занимают свои позиции на основе не прямых выборов или так называемой «конкурсной» модели. Это различие крайне важно, поскольку позволяет проверить вторую гипотезу исследования и может рассматриваться как критический фактор (treatment), способный объяснить причину различий электоральных исходов 2021 г. в двух республиках, которые разошлись на 34 процентных пункта (см. рис. 2).

Для анализа данных я использую два метода: множественную линейную регрессию и t-критерий Стьюдента. Регрессионный анализ используется для проверки гипотез на основе данных из двух республик. Исключением является вторая гипотеза о роли институтов (прямых и не прямых выборов) на электоральные исходы в муници-

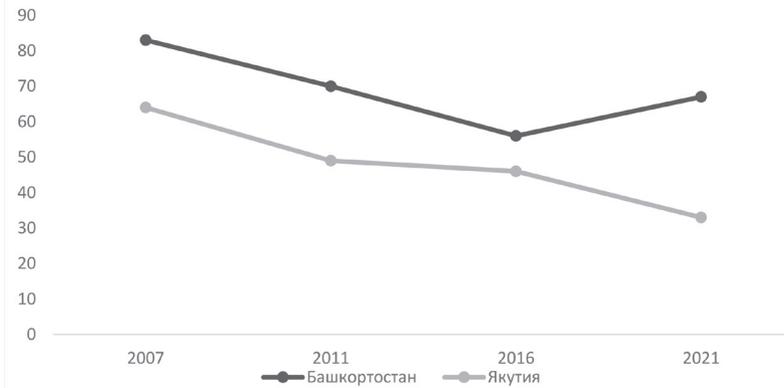

Рис. 2. (Fig. 2). Электоральные результаты партии «Единая Россия» в Башкортостане и Якутии (2007–2021 гг.)

Electoral results of the United Russia party in Bashkortostan and Yakutia (2007–2021)

палитетах. Проверка этой гипотезы требует включения в выборку всех российских регионов с делением их на две группы: с наличием и отсутствием прямых выборов глав муниципалитетов. Сравнение этих двух групп регионов с разным институциональным дизайном дает возможность ответить на вопрос: влияет ли институциональный фактор наличия / отсутствия прямых выборов глав муниципалитетов на электоральные исходы? Конвенциональным статистическим методом проверки такого рода гипотез, связанных со сравнением средних значений двух выборок, является t-критерий Стьюдента (t-тест). Поэтому необходимо использовать не только регрессионный анализ, но и данный статистический тест.

В построении регрессионных моделей я использую семь переменных, каждая из которых отражает сформулированные выше гипотезы. Для проверки первой гипотезы и измерения уровня финансовой автономии муниципалитета (переменная «Бюджет») используются данные Федеральной службы государственной статистики о доле автономии муниципального бюджета¹.

¹ Я использую графу «Доля налоговых и неналоговых доходов местного бюджета (за исключением поступлений налоговых доходов по дополнительным нормативам отчислений) в общем объеме собственных доходов

Для проверки третьей гипотезы мне нужно было определить наличие персональных связей между губернатором и главой муниципалитета (переменная «Глава_новый»). Я операционализирую этот фактор с помощью определения длительности нахождения глав муниципалитетов на своей должности, разделяя на две группы тех, кто занял свою позицию до прихода к власти текущего губернатора (то есть до 2018 г.) и после. Я исхожу из допущения, что главы муниципалитетов, избранные в период правления текущего губернатора, должны иметь его расположение, что может рассматриваться как определенные персональные связи. В то же время у тех глав муниципалитетов, которые заняли свои позиции ранее 2018 г., то есть до прихода к власти текущих губернаторов, вероятность наличия таковых связей существенно меньше.

Для проверки четвертой гипотезы переменную, отражающую опыт главы муниципалитета по контролю за избирательным процессом, я операционализирую с помощью расчета времени (лет), в течение которого глава муниципалитета занимает свою должность (переменная «Глава»). Для проверки гипотез V–VII, отражающих социально-экономические переменные, я использую данные муниципальной статистики об уровне средней заработной платы (переменная «Доход»), доле сельского населения (переменная «Село»), общей численности населения в муниципалитете (переменная «Население»)¹. Наконец, для проверки восьмой гипотезы о роли этнического фактора (переменная «Этнос») использованы данные Всероссийской переписи населения за 2010 г. о доле представителей титульных этнических групп в муниципалитетах².

бюджета муниципального образования (без учета субвенций)». URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.html> (дата обращения: 02.06.2025).

¹ Федеральная служба государственной статистики. Раздел «Муниципальная статистика». URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.html> (дата обращения: 02.06.2025).

² Всероссийская перепись населения 2010. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 02.06.2025).

Описательная статистика всех интервальных переменных, используемых в построении регрессионных моделей, представлена в таблице 1 (см. табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Описательная статистика

Descriptive statistics

Переменная	Среднее	Стандартные ошибки	Минимум	Максимум	1-й квартиль	Медиана	3-й квартиль
ЭТНОС	43.91	26.93608	3.86	98.00	22.15	37.55	64.46
ГЛАВА	4.948	3.65735	1.000	16.000	2.750	4.000	7.000
НАСЕЛЕНИЕ	39449	48247.32	2716	328493	16658	24760	42424
СЕЛО	69.83	37.03132	0.00	100.00	41.08	100.00	100.00
БЮДЖЕТ	27.58	18.99617	5.20	100.00	15.15	22.00	33.00
ДОХОД	35.32	17.31316	1.50	103.70	23.50	28.10	42.45

АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ

В регрессионных моделях, представленных ниже, в качестве зависимой переменной выступает доля электоральной поддержки партии «Единая Россия» на уровне муниципалитета по итогам выборов депутатов Госдумы 2021 г. по единому федеральному округу. В таблице 2 представлены результаты регрессионного анализа трех моделей (см. табл. 2). Первые две модели построены отдельно по данным каждой исследуемой республики, третья модель включает данные обоих случаев.

Как видно из представленных данных, в первых двух моделях этнический фактор не является статистически значимым. Для данных, описывающих Якутию, значимой является переменная «Доход», в то время как для Башкортостана важен другой социально-экономический фактор — доля сельского населения. В «общей» модели наряду с указанными переменными этнический фактор оказывается статистически значимым. Регрессионные коэффициенты говорят о направленности влияния независимых переменных в соответствии с выдвинутыми гипотезами. Так, отрицательный коэффициент переменной

Таблица 2 (Table 2)

Результаты регрессионного анализа
Results of regression analysis

	Зависимая переменная: уровень электоральной поддержки партии «Единая Россия» в муниципалитете		
	Модель 1 (Якутия)	Модель 2 (Башкортостан)	Модель 3 (Общая)
ЭТНОС	0,010 (0,041)	-0,037 (0,068)	-0,093*** (0,052)
ГЛАВА	0,393 (0,276)	0,128 (0,362)	-0,183 (0,341)
НАСЕЛЕНИЕ	-0,000 (0,000)	-0,000 (0,000)	-0,000 (0,000)
СЕЛО	-0,025 (0,045)	0,107* (0,047)	0,135** (0,045)
БЮДЖЕТ	-0,030 (0,039)	-0,031 (0,042)	-0,072 (0,081)
ДОХОД	-0,047* (0,055)	0,025 (0,368)	-0,657*** (0,082)
ГЛАВА_НОВЫЙ	1,671 (2,746)	-0,953 (4,500)	2,742 (3,945)
Constant	0,428*** (4,986)	6,503*** (1,203)	8,208*** (6,466)
Observations	34	64	98
R-square	0,620	0,232	0,599
Adjusted R-squared	0,528	0,148	0,572
p<0***; p<0,001 **; p <0,01*			

«Этнос» говорит о том, что представители титульных этнических групп в исследуемых республиках на выборах 2021 г. продемонстрировали скорее протестное голосование, чем высокий уровень политической лояльности, что было им свойственно до реализации языковой реформы 2017–2018 гг. Следовательно, можно заключить, что теперь они не являются электоральной опорой «партии власти». Вместе с тем небольшое значение коэффициента этой переменной и нестабильность ее значимости в разных моделях говорят о том, что этнический фактор является отнюдь не главным предиктором, способным объяснить сокращение электоральной поддержки партии «Единая Россия».

Социально-экономические факторы (уровень доходов граждан и место их проживания) выглядят более значимыми, подтверждая, что жители городов с более высоким уровнем доходов проголосовали значительно более протестно, в то время как сельское население остается в большей степени под контролем машинной политики. Полученные результаты говорят о том, что увеличение среднего уровня заработной платы в муниципалитете на 1 % приводит к сокращению электоральной поддержки партии «Единая Россия» на 6 п.п.

Таким образом, регрессионный анализ показывает, что языковая реформа 2017–2018 гг. сохраняет свое последствие в виде низкого уровня поддержки «партии власти» со стороны представителей титульных этносов. Вместе с тем этот фактор не является таким же стабильным и значимым, как три года назад. Вероятно, фактор времени и актуализация новых проблем нивелирует его влияние. В условиях кризиса пандемии и долговременной экономической стагнации становятся более значимыми факторы социально-экономического характера.

Хотя результаты регрессионного анализа не подтвердили предположения о роли политических и институциональных факторов, дополнительный анализ данных с помощью Т-тестов говорит о том, что игнорировать их влияние было бы неправильно. Более того, один из этих факторов — наличие прямых выборов глав муниципалитетов — является одним из важнейших для объяснения разницы электоральных исходов в Башкортостане и Якутии.

На рисунке 3 визуализировано сравнение двух когорт глав муниципалитетов (см. рис. 3): первая когорта («новые») основана на выборке тех глав муниципалитетов, которые заняли свои властные позиции после прихода нового губернатора (после 2018 г.). Вторая когорта — это «старые» главы, занявшие свой пост до 2018 г.

Как видно, в Башкортостане вклады в электоральную поддержку партии «Единая Россия» со стороны «старых» и «новых» локальных глав не отличаются. В Якутии эта разница есть: «новые» главы справились с электоральной задачей хуже, чем «старые». В среднем «старые» главы обеспечили электоральную поддержку «партии власти» на 4 п.п. больше, чем «новые». Хотя по результатам Т-тестов эта разница не является статистически значимой, визуальное сравнение электоральных результатов Башкортостана и Якутии весьма показательно. Оно гово-

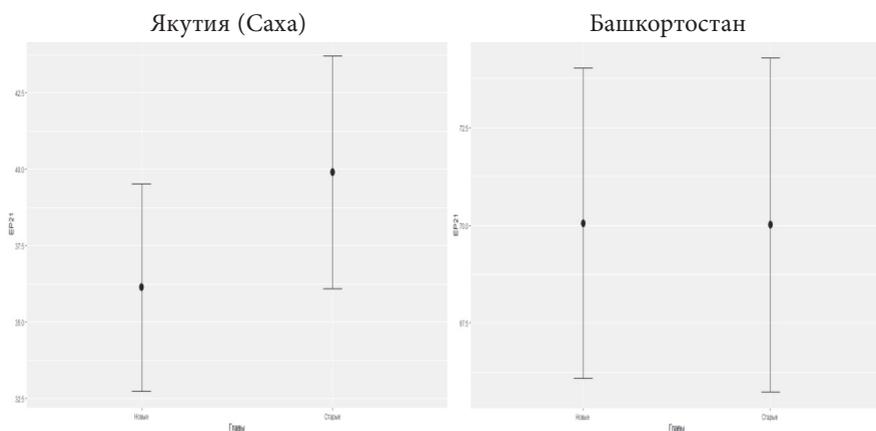

Рис. 3 (Fig. 3). Вклад «старых» и «новых» глав муниципалитетов в электоральную поддержку партии «Единая Россия» по итогам выборов Госдумы РФ 2021 г.

Contribution of "old" and "new" heads of municipalities to the electoral support of the United Russia party following the results of the 2021 State Duma elections

рит о том, что в Якутии сохраняющийся институт прямых выборов глав муниципалитетов не позволяет губернатору проводить эффективную ротацию локальных элит и осуществлять за ними контроль. Избранные на прямых выборах главы муниципалитетов в большей мере склонны ориентироваться на запросы избирателей и поэтому могут игнорировать политические запросы регионального уровня власти. В Башкортостане, напротив, глава региона с помощью подконтрольной ему конкурсной комиссии способен более «чувствительно» проводить процесс ротации глав муниципалитетов, сохраняя лояльность и эффективность работы как «новых», так и «старых» глав.

Более того, разница этих институтов оказывает влияние на скорость и масштаб ротаций. Несмотря на то, что Р. Хабиров был назначен на пост главы Башкортостана и приступил к своим обязанностям на пять месяцев позже А. Николаева в Якутии, к осени 2021 г. он успел сменить 35 из 63 глав муниципалитетов, что составляет 55 %. В Якутии к тому же периоду по результатам выборов сменилось 16 из 34 муниципалитетов, что составляет 47 %. Однако, что важнее, если в Башкортостане глава региона через процедуру конкурсной

комиссии мог контролировать процесс ротации и довольно легко лоббировать на позиции глав муниципалитетов лояльных ему чиновников, то А. Николаев в условиях прямых выборов был в значительной степени лишен такой возможности. Конечно, в условиях субнационального авторитаризма глава региона может влиять на выборы и обеспечивать преимущество для своего кандидата. Другими словами, даже при наличии выборов глава региона имеет возможность обеспечить победу своему ставленнику. Однако такой способ влияния на процесс ротации глав муниципалитетов существенно более затратен и трудоемок. Более того, он отнюдь не лишен рисков и непредсказуемых последствий.

Пожалуй, наиболее наглядной демонстрацией данного тезиса является сравнение ротации мэров в столицах Якутии и Башкортостана в 2018 г. Как указывалось выше, до назначения на пост главы Якутии А. Николаев был мэром г. Якутска. Выборы после его отставки привели к сенсационной победе кандидата от оппозиции Сарданы Авксентьевой, которая обошла выдвигенца от партии «Единая Россия» Александра Саввинова, получив 40 % поддержки избирателей. Таким образом, наличие выборов не позволило А. Николаеву обеспечить преемственность власти в Якутске, и на выборах Госдумы в 2021 г. он не мог контролировать столицу региона, что крайне важно в электоральных процессах [2]. В результате в 2021 г. избиратели в Якутске сократили поддержку партии «Единая Россия» на 12 п.п. в сравнении с выборами 2016 г.

Следует также отметить, что, досрочно покинув пост мэра Якутска, С. Авксентьева в 2021 г. была выдвинута кандидатом в депутаты Госдумы РФ от партии «Новые люди». По итогам выборов партия заняла третье место в Якутии, показав один из самых высоких среди российских регионов результатов в 10 % электоральной поддержки, а сама экс-мэр Якутска стала одним из 13 депутатов фракции партии «Новые люди» в нижней палате российского парламента.

Совершенно иначе происходила ротация мэра столицы Башкортостана, где новый глава смог без всяких проблем провести через конкурсную комиссию кандидатуру непубличного и малоизвестного «хозяйственника» из «Газпрома» Ульфата Мустафина. Он имел тесные неформальные связи с Радием Хабировым, работая с ним в админи-

страции президента Республики Башкортостан в 2003–2008 гг.¹. Несмотря на отсутствие связей с депутатским корпусом г. Уфы, У. Мустафин бесконфликтно получил от них поддержку и был утвержден в должности. Хотя У. Мустафин умер во время пандемии COVID-19 в октябре 2020 г. и контроль за выборами 2021 г. осуществлял его преемник, это не сказалось на электоральном результате. В отличие от Якутска, в Уфе партия «Единая Россия» не сократила, а повысила свой результат в сравнении с 2016 г. на 12 п.п.

Тезис о важности института выборов на локальном уровне находит подтверждение при использовании данных субнационального уровня и кросс-регионального сравнения двух групп регионов: с наличием и отсутствием института прямых выборов глав муниципалитетов (см. рис. 4). В современной России осталось лишь 10 регионов², в которых главы муниципалитетов избираются на прямых выборах.

Сравнение регионов с наличием и отсутствием прямых выборов глав муниципалитетов позволяет прийти к следующим выводам. Средняя доля поддержки партии «Единая Россия» в регионах с отсутствием прямых выборов составляет почти 49 %, в то время как в регионах с наличием института прямых выборов на 10 п.п. меньше (39 %). Согласно Т-тесту, эта разница находится на пороге статистической значимости (р-значение составляет 0,0567). Таким образом, данный институциональный фактор значим при объяснении вариации электоральных исходов на субнациональном уровне.

¹ Персона: Мустафин Ульфат Мансурович // Глобалуфа.ру.
URL: <https://globalufa.ru/person/id/78> (дата обращения: 02.06.2025).

² В выборку для сравнения вошли как регионы, в которых все главы муниципалитетов избираются на прямых выборах (1. Республика Якутия (Саха), 2. Республика Хакасия, 3. Хабаровский край, 4. Иркутская область, 5. Псковская область, 6. Чукотский АО), так и те регионы, в которых только половина муниципальных глав избирается с помощью прямых выборов (7. Забайкальский край, 8. Костромская область, 9. Республика Бурятия, 10. Ямало-Ненецкий АО). См.: Доклад о результатах ежегодного мониторинга организации и развития местного самоуправления в Российской Федерации за 2020 г. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/activity/directions/977/> (дата обращения: 02.06.2025).

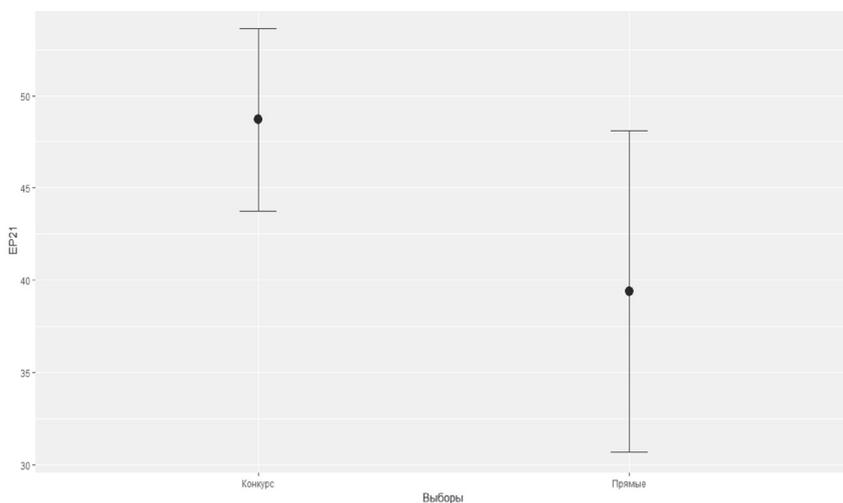

Рис. 4. (Fig. 4). Доля поддержки партии «Единая Россия» на выборах Госдумы 2021 г. в регионах с наличием и отсутствием прямых выборов глав муниципалитетов
The share of support for the United Russia party in the 2021 State Duma elections in regions with and without direct elections of heads of municipalities

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной статье я поставил вопрос о причинах электорального поражения партии «Единая Россия» по итогам избирательной кампании 2021 г. в нескольких российских регионах. Хотя ухудшение экономической ситуации и влияние пандемии могут быть в числе таковых причин, они не могут объяснить факт сохранения и даже увеличения электоральных результатов «партии власти» в большинстве других регионов России. Другими словами, если такие кризисные явления как пандемия или экономический спад носят универсальный характер, почему они приводят к поражению «партии власти» только в ограниченном круге регионов? Ответ на этот вопрос требует учета региональных особенностей, которые обуславливают разницу электоральных исходов при наличии общих кризисных вызовов.

Поскольку среди регионов, в которых «Единая Россия» проиграла выборы, довольно много этнических республик, исходной задачей данного исследования стала проверка гипотезы о влиянии этническо-

го фактора в виде протестного голосования представителей титульных этносов в ответ на языковую реформу 2017–2018 гг. Однако результаты статистического анализа лишь частично подтвердили это предположение. Хотя в Якутии и Башкортостане представители титульных этнических групп уже не являются электоральными опорами власти и тем самым подтверждают сохраняющееся разочарование в национальной политике федерального центра, тем не менее данный фактор не может быть признан ключевым и единственным в объяснении сокращения электоральной поддержки инкубента. Результаты исследования скорее выявили более существенную значимость социально-экономических факторов, таких как уровень доходов населения и место их проживания. Данный результат подтвердил выводы других исследований о том, что главной электоральной опорой «партии власти» является бедное сельское население, в то время как более обеспеченные горожане демонстрируют рост протестного голосования.

Вместе с тем к главному выводу данного исследования можно отнести исследовательскую находку о том, что важная переменная, объясняющая вариацию электоральных исходов на субнациональном уровне, связана с институциональной спецификой регионов — наличием (или отсутствием) прямого избрания локальных глав. Исход авторитарных выборов зависит не столько от массовых политических предпочтений и их динамики вследствие кризисных шоков, сколько от способности региональных элит контролировать избирательный процесс, что требует сохранения консолидации элит и тесного взаимодействия между региональным и муниципальными уровнями власти. Институт прямых выборов глав муниципалитетов подрывает возможности такого взаимодействия, что ведет к пассивности или игнорированию локальными элитами электоральных запросов региональной власти.

Похоже, что власти в России хорошо понимают эти угрозы и уже ввели контрмеры. Федеральный закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»¹, принятый

¹ Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. N 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Российская газета. Федеральный выпуск № 294 от 29 декабря 2021. URL: <https://rg.ru/2021/12/27/vlast-dok.html> (дата обращения: 02.06.2025).

в декабре 2021 г., а также новый Федеральный закон от 20.03.2025 N 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»¹ открывают возможности для очередного раунда институциональной унификации российских регионов в виде отмены муниципальных выборов. Это может стать страховочным механизмом для «партии власти» и снизить вероятность ее поражения на субнациональном уровне в будущих избирательных кампаниях.

Безусловно, данное исследование имеет ряд ограничений. Так, в статье освещены лишь некоторые из причин «опрокидывающих выборов» на субнациональном уровне. Парное сравнение Башкортостана и Якутии может быть расширено за счет других регионов, упомянутых выше (Марий Эл, Ненецкий автономный округ, Хабаровский край), где «партия власти» по итогам избирательной кампании 2021 г. также потерпела поражение. Кроме того, меняющийся политический контекст и очередные вызовы кризисного характера могут создать новые комбинации факторов, способных привести к непредсказуемым электоральным исходам. Изучение их с помощью иных теоретических подходов и на основе более широкой эмпирической базы выглядит перспективным направлением дальнейших исследований факторов электорального поражения инкумбентов на субнациональном уровне.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шкель Станислав Николаевич — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Телефон: +7 (812) 316-34-36. **Электронная почта:** stas-polit@yandex.ru.

Research Article

STANISLAV N. SHKEL¹

¹ The Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences 25/14, 7-th Krasnoarmeyskaya str., 190005, St Petersburg, Russia

¹ Федеральный закон от 20 марта 2025 г. N 33-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Президент РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51732> (дата обращения: 02.06.2025).

ELECTIONS IN HARD TIMES: FACTORS OF THE INCUMBENT DEFEAT AT THE SUB-NATIONAL LEVEL

Abstract. The results of the 2021 elections to the State Duma of the Russian Federation generally reaffirmed the electoral dominance of the United Russia party. However, unlike the 2016 electoral cycle, they also revealed the defeat of the “party in power” in four Russian regions. This article explores the causes of the incumbent party’s electoral failures at the subnational level through a paired comparative analysis of the republics of Yakutia (Sakha) and Bashkortostan. The analysis concludes that one possible factor contributing to the decline in electoral support for the “party in power” at the regional level is institutional — specifically, the presence of direct elections for heads of municipalities. In Yakutia, this institutional feature prevented the new regional leader from establishing effective political control over key political actors. By contrast, the new head of Bashkortostan, operating without such constraints, was able to quickly consolidate the regional elite, suppress opposition forces, and increase electoral support for the “party in power”, even amid epidemiological and economic crises.

Keywords: elections, political institutions, electoral processes, political machines, Russian politics, ethnopolitics.

For citation: Shkel S.N. Elections in hard times: factors of the incumbent defeat at the sub-national level. *Vlast’ i Elity = Power and Elites*. 2025. Vol. 12. No. 1. P. 93–118. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.1.3> (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Stanislav N. Shkel — PhD in Politics, leading researcher, The Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Phone: +7 (812) 316–34–36. **E-mail:** stas-polit@yandex.ru.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Гилев А.В., Семенов А.В., Шевцова И.К. «Политические машины» и их «водители»: электоральное администрирование на местном уровне // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. 2017. № 3(46). С. 62–80. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2017-86-3-62-80>. EDN: XTXXFXF
Gilev A.V., Semenov A.V., Shevcova I.K. “Political machines” and their “drivers”: electoral administration at the local level. *Politiya: Analiz. Hronika. Prognoz (ZHurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki)*. 2017. No. 3(46). P. 62–80. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2017-86-3-62-80>. (In Russ.)

2. Сироткина Е.В., Карандашова С.А. Лояльность элит и выборы глав регионов: роль предвыборных конфликтов в исходе голосования // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 76–91.
<https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.06>. EDN: ZVMOLB
Sirotkina E.V., Karandashova S.A. Loyalty of elites and gubernatorial elections: the role of pre-electoral conflicts in the voting outcome. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2017. No. 6. P. 76–91. <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.06>. (In Russ.)
3. Шкель С.Н. Скованные одной цепью: механизмы электоральной мобилизации на локальном уровне в этнических республиках России // *Ars Administrandi (Искусство управления)*. 2021. № 3(13). С. 381–405.
<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2021-3-381-405>. EDN: IYDWR
Shkel S.N. Chained by one chain: mechanisms of electoral mobilization at the local level in the Russian ethnic republics. *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya)*. 2021. No. 3(13). P. 381–405.
<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2021-3-381-405>. (In Russ.)
4. Acemoglu D., Robinson J.A. *Economic origins of dictatorship and democracy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 432 p.
<https://doi.org/10.1017/CBO9780511510809>.
5. Boix C. *Political parties, growth and equality: conservative and social democratic economic strategies in the world economy*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 280 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139174947>.
6. Bunce V., Wolchik L. *Defeating authoritarian leaders in postcommunist countries*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 373 p.
<https://doi.org/10.1017/CBO9780511977404>.
7. Fiorina M. Economic retrospective voting in American national elections: A micro-analysis. *American journal of political science*. 1978. Vol. 22. No. 2. P. 426–443. <https://doi.org/10.2307/2110623>.
8. Gervasoni C. A Rentier theory of subnational regimes. *World Politics*. 2010. Vol. 62. No. 2. P. 302–340. <https://doi.org/10.1017/S0043887110000067>.
9. Golosov G. Machine politics: the concept and its implications for post-soviet studies. *Demokratizatsiya: journal of post-soviet democratization*. 2013. Vol. 21. No. 4. P. 459–480.
10. Golosov G. Voter volatility in electoral authoritarian regimes: testing the «Tragic Brilliance» thesis. *Comparative sociology*. 2016. Vol. 15. No. 5. P. 535–559.
<https://doi.org/10.1163/15691330-12341399>.
11. Goodnow R., Moser R., Smith T. Layers of Ethnicity: The Effects of Ethnic Federalism, Majority-Minority Districts, and Minority Concentration on the Electoral Success of Ethnic Minorities in Russia. *Comparative Political Studies*. 2012. Vol. 45. No. 2. P. 167–194. <https://doi.org/10.1177/0010414011421310>.

12. Hale H. Explaining machine politics in Russia's regions: economy, ethnicity, and legacy. *Post-Soviet Affairs*. 2003. Vol. 19. No. 3. P. 228–263. <https://doi.org/10.2747/1060-586X.19.3.228>.
13. Hale H. *Patronal Politics. Eurasian regime dynamic in comparative perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 542 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139683524>.
14. Huntington S. *The third wave: democratization in the late twentieth century*. Norman; London: University of Oklahoma Press, 1991. 366 p.
15. Kitschelt H., Wilkinson S. A research agenda for the study of citizen–politician linkages and democratic accountability. *Patrons, clients, and policies*. Ed. by H. Kitschelt, S. Wilkinson. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 322–343. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511585869.014>.
16. Lazarev Y.A., Sobolev A.S., Soboleva I.V., Sokolov B. Trial by fire: a natural disaster's impact on support for the authorities in rural Russia. *World Politics*. 2014. Vol. 66. No. 4. P. 641–668. <https://doi.org/10.1017/S0043887114000215>.
17. Lijphart A. Comparative politics and the comparative method. *The American political science review*. 1971. Vol. 65. No. 3. P. 682–693. <https://doi.org/10.2307/1955513>.
18. Magaloni B. *Voting for autocracy. hegemonic party survival and its demise in Mexico*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 296 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511510274>.
19. Matsuzato K. From ethno-bonapartism to centralized caciquismo: characteristics and origins of the Tatarstan political regime, 1900–2000. *Journal of communist studies and transition politics*. 2001. Vol. 17. No. 4. P. 43–77. <https://doi.org/10.1080/714003590>.
20. McFaul M. The Orange Revolution in a comparative perspective. *Revolution in orange: The origins of Ukraine's democratic breakthrough*. Ed. by A. Aslund, M. McFaul. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 2006. P. 165–197.
21. Minaeva E., Panov P. Dense networks, ethnic minorities, and electoral mobilization in contemporary Russia. *Problems of post-communism*. 2023. Vol. 70. No. 4. P. 376–387. <https://doi.org/10.1080/10758216.2021.1974885>.
22. Mueller J.E. Presidential popularity from Truman to Johnson. *American political science review*. 1970. Vol. 64. No. 1. P. 18–34. <https://doi.org/10.2307/1955610>.
23. Nichter S. Vote buying or turnout buying? Machine politics and the secret ballot. *American political science review*. 2008. Vol. 102. No. 1. P. 19–31. <https://doi.org/10.1017/S0003055408080106>.

24. Pepinsky T.B. *Economic crises and the breakdown of authoritarian regimes: Indonesia and Malaysia in comparative perspective*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 326 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511609954>.
25. Ravanilla N., Haim D., Hicken A. Brokers, social networks, reciprocity and strategies of clientelism. *American journal of political science*. 2022. Vol. 66. No. 4. P. 795–812. <https://doi.org/10.1111/ajps.12604>.
26. Saikkonen I. Electoral mobilization and authoritarian elections: evidence from post-soviet Russia. *Government and opposition*. 2017. Vol. 52. No. 1. P. 51–74. <https://doi.org/10.1017/gov.2015.20>.
27. Scott J. Corruption, machine politics, and political change. *The American political science review*. 1969. Vol. 63. No. 4. P. 1142–1158. <https://doi.org/10.2307/1955076>.
28. Shkel S. Bastions of tradition: the ethnic factor and political machines in Russian regions. *Russian politics*. 2019. Vol. 4. No. 1. P. 76–111. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00401004>.
29. Shkel S. Why political machines fail: evidence from Bashkortostan. *Demokratizatsiya: the journal of post-soviet democratization*. 2021. Vol. 29. No. 1. P. 31–62.
30. Stokes S. Perverse accountability: a formal model of machine politics with evidence from Argentina. *American political science review*. 2005. Vol. 99. No. 3. P. 315–325. <https://doi.org/10.1017/S0003055405051683>.
31. White A., Saikkonen I. More than a name? Variation in electoral mobilisation of titular and non-titular ethnic minorities in Russian national elections. *Ethnopolitics*. 2017. Vol. 16. No. 5. P. 450–470. <https://doi.org/10.1080/17449057.2016.1221186>.
32. White A. A chink in the autocrat's armour: demographic change and voter turnout in Putin's Russia. *Ethnopolitic*. 2022. Vol. 21. No. 4. P. 381–400. <https://doi.org/10.1080/17449057.2021.1901187>.
33. Zavadskaya M., Welzel C. Subverting autocracy: emancipative mass values in competitive authoritarian regimes, *Democratization*. 2015. Vol. 22. No. 6. P. 1105–1130. <https://doi.org/10.1080/13510347.2014.914500>.